

ИНТЕРВЬЮ С ТИМУРОМ НОВИКОВЫМ

— *Говоря о Пушкинской, 10, невозможно не коснуться социокультурной среды конца 80-х. Хотелось бы начать с вопроса, что, по-твоему, было основным двигателем тотального захвата маленькой территории на Пушкинской художниками, музыкантами...*

— Я не знаю, что двигало конкретно каждым в отдельности, но все это произошло, в целом, благодаря перестройке, произошедшей в стране. Одним из первых художников, кто двинулся на Пушкинскую, был Сергей Бугаев-Африка, который, еще на совершенно законном основании, поселился в этом доме совершенно случайно — его квартира была по адресу: Пушкинская, 10, кв. 1. Там он был прописан, и был совершенно законным жильцом, не захватывавшим, а жившим в этом доме. После этого, собственно, произошла перестройка и, когда дом стали расселять, произошло то, что, почувствовавшие свободу и вседозволенность, художники, традиционно не имевшие возможности заниматься где-либо творчеством, бросились занимать помещения под мастерские. И очень быстро заняли весь большой дом. Не только художники, но и другие творческие люди — музыканты, литераторы, насколько мне известно, какие-то театральные структуры или какие-то структуры типа господина Коли Васина с его музеем Джона Леннона — все они получили место под солнцем.

— *Что ты думаешь о потребности художников, музыкантов, литераторов к объединению, совместному проживанию?*

— Объединение художников происходило всегда перед лицом какого-нибудь врага. Так, Товарищество художников, например, возникло под жестким социальным давлением на художников — так называемых нонконформистов — в период Советской диктатуры. В 30-е годы объединение в Союз художников происходило под давлением того же социума, т. е. Советской власти, которая сажала в тюрьмы, расстреливала и т. д. И художники объединились в какую-то государственную организацию, где они могли все вместе существовать. Им пообещали: кто будет внутри этого "загончика", этой "резервации" — останется цел, а кто будет сам по себе — погибнет. И эта же стадная боязнь, скажем, волка или чего еще, требовала от художников сбиться вот в это стадо, в которое они потом сбивались в ТЭИИ, а потом сбивались и на Пушкинскую, 10. Но самое главное, конечно же, помещения. Потому что человеку для его творчества нужно какое-то место, где он мог бы им заниматься. В разных странах эту проблему решает государство, чтобы деятели культуры, пассионарии, не могли что-либо устроить, учинить, организовать террористическую организацию, подорвать что-нибудь бомбами или устроить какую-нибудь оппозиционную политическую партию. Им выделяют специальные помещения, чтобы они могли там реализовывать свой творческий потенциал. Примерно то же самое произошло и на Пушкинской. Конечно, никому ничего не выделяли, а просто все бросились, кто что мог схватил и засел, и далее началось существование. Но Пушкинская, 10 — это же не единственный феномен в городе. Были и известные помещения на Воинова, 24, Воинова, 28, на ул. Каляева напротив Большого дома (т. н. НЧ/ВЧ), на Каляева ближе к Чернышевского (т. н. Музей творческих содружеств), в Египетском доме были, на Петроградской стороне, дом на Обводном канале (т. н. "Обводники", где были клубы и Школа инженеров искусства), была Фонтанка, 145 — знаменитое помещение, считающееся родиной русского рэява, где основали первые дискотеки, был большой дом на Черняховского, на Стремянной, и география всех этих зданий, занятых художниками, деятелями культуры под какие-то культурные проекты, раньше называлась "капиталка" (мне не нравится иностранное слово "сквот"). Поэтика "капиталки". Она пронизывала все эти сооружения полностью, и собственно Пушкинская была только одной из многих,

единственно, что она была самой крупной и долее всех просуществовавшей, единственной, которая смогла институционализироваться.

— *И что же, по-твоему, ценного дала именно Пушкинская?*

— Пушкинская, несомненно, дала приют для огромного количества творческих людей. Действительно, многие люди не могли бы реализовать свои творческие потенциалы, т. е. оказались бы попросту изолированными от участия в творческом процессе. Пушкинская дала им жизнь, этим художникам. Пушкинская приютила тогда огромное количество музыкантов, помогла им работать тоже. Потом Пушкинская превратилась, соответственно, в некий культурный центр, который можно посещать как туристский объект. Большое количество людей, приезжая в наш город, часто хотели осмотреть Эрмитаж, Русский музей и Пушкинскую, 10, как главные городские достопримечательности. То есть Пушкинская превратилась, для молодежи во всяком случае, в определенную достопримечательность, связанную с именами известных по всей стране героев, таких как Шевчук, Аквариум, Гребенщиков...

— *Тимур, но все-таки в упомянутом тобой, к примеру, НЧ/ВЧ собирались люди близкие по духу, это был один круг. А на Пушкинской собрались люди совершенно разные, а зачастую и совершенно не знавшие друг друга...*

— В НЧ/ВЧ были тоже совершенно разные люди. Я, например, ничего не вижу общего между металлистами, которые были в НЧ/ВЧ, и художником Борисом Кошелуховым. Просто кто-то был знаком с Сумароковым, кто-то с Ковальским.

— *Каковы позитивные стороны "коммунального" проживания, влияния "соседей" на индивидуума, ведь художники склонны испытывать на себе влияния и увлекаться идеями. К примеру, Новая Академия, которая была одним из источников новых идей, которые не могли не влиять.*

— Новая Академия поселилась на Пушкинской, потому что не имела никакой другой возможности поиметь свое помещение, но, благодаря фонду "Свободная культура", она приобрела свое помещение и стала вести свою работу. Но та деятельность, которую вела Новая Академия, резко отличалась от художественной практики большинства художников Пушкинской, 10. Поэтому сложно говорить о каких-то творческих обменах, творческих влияниях Академии на окружающих художников. По-моему, ни художник Баби, ни какие-либо другие художники Пушкинской, 10, не стали от сосуществования с Новой Академией более классическими.

— *Нет, дело не в том, стали они более классическими или нет, я говорю только о влиянии.*

— Влияние... Ну я могу сказать, что когда появилась Академия и стала регулярно проводить свои выставки и вешать об этом объявления на стенках, объявления такого же вида и размера стали вешать и другие галереи. Это совершенно обычная практика в других странах, но почему-то на Пушкинской мы применили ее одними из первых.

— *Но я должен сказать, что 103-я галерея, которая появилась раньше, делала все-таки объявления, хотя и другого размера и вида...*

— Не делала. В том-то и дело, что не делала. Говорили, что вот будет выставка, приходите в четверг в пять часов. Все знали что будет квартирная выставка Баби Бадалова, и всех приглашали на эту выставку.

— *Ну хорошо... Хотелось бы еще раз коснуться проблемы взаимодействия. Вспомним акцию 103-ей галереи "Блиц-Штирлиц-Блиц" — попытку задействовать все пространство Пушкинской, 10? Кстати, и Новая Академия приняла участие, и только что появившаяся Арт-Клиника, и многие-многие другие.*

— Ну одновременно проходили еще и праздники Пушкинской, 10, открывали двери все галереи и т. д. Это как раз очень положительное явление — именно единство и дружба, сотрудничество. Нам, например, в нашей Академии, никогда не жалко было, когда к нам

приходили какие-то гости, сказать "сходите еще туда-то и туда-то". У нас никогда не было такого собственнического чувства к зрителю. Наш зритель — он наш зритель, в смысле поскольку мы ему нравимся. Но если он хочет чего-то еще, мы всегда ему поможем найти то, что он хочет. Я думаю, что если бы дружеские взаимоотношения становились бы все сильнее и сильнее, то у Пушкинской был бы весь дом, а не только та одна треть, которая ей осталась.

— *Но, тем не менее, у Пушкинской сейчас осталась действительно одна треть. Каковы перспективы, как ты считаешь? Каким видишь будущее Пушкинской, 10?*

— Дело в том, что для меня Пушкинская, 10, в первую очередь, — это то место, где находится наша Новая Академия. Но наша Новая Академия для меня не имеет тесной, неразрывной связи с рок-музыкой, с барами. Если волею судьбы нам придется оставить это помещение, то мы, ничто же ни сумняшеся, соберем свои вещички и переберемся куда-нибудь еще. Собственно, наш зритель не покинет нас и в другом месте. Но, с другой стороны, конечно же приятно, что художники терпят друг друга. За все годы мы не испытывали нападков, не было случаев погромов, все пожары, которые происходили, тоже миновали нашу часть. У меня только приятные воспоминания о Пушкинской. Но, по слухам, она продолжает существовать и, в общем-то, не собирается закрываться.

— *Да, она не собирается "прекращаться". Но она, видимо, будет немного другой. Просто не будет дома как двора, каким он был. Может, действительно, Академия была несколько в стороне от Пушкинской, но все-таки была частью ее, и достаточно заметной частью. Каково твое мнение, что необходимо для успешного существования будущей Пушкинской, потому как сегодня еще до конца не ясно, какой она будет — новая Пушкинская.*

— В первую очередь, для того чтобы Пушкинская оставалась Пушкинской, в том виде, в котором она была, она не должна терять связи с молодежью. Потому что молодежь, молодежная культура являлась тем самым наполняющим Пушкинскую неким, так сказать, особым пафосом. Поколенческим. Но молодежь вырастает, стареет, и для новой Пушкинской предусмотрен более "старческий" проект, скорее "дом ветеранов сцены", чем дом молодежи. И ввиду этого, Пушкинская может утратить связь с молодежью, превратиться в более архаическое учреждение. Старшее поколение предпочитает Филармонию, Мариинский театр, Русский музей, Эрмитаж, и, конечно, будет менее посещать Пушкинскую, 10, а молодежь, которой как раз было бы интересно это явление — нечто новое, свежее, яркое, всегда привлекающее молодежь (как мы видим в молодежной моде, музыке), это, на мой взгляд, будет несколько утрачиваться. И это напрасно. Если администрация Пушкинской хочет оставить Пушкинскую именно как центр молодежной культуры, ей надо омолаживать свои ряды.

— *Прежде всего центр современной культуры. Ты видишь именно молодежь основным движущим фактором культуры?*

— Современная культура — понятие растяжимое. Ведь до недавнего времени, до своей смерти, и Аникушин был современным художником, и Мыльников продолжает оставаться современным художником. Современная культура — это совокупность всей культуры. Другое дело, что существует отличие между молодежной культурой и культурой старшего поколения. Просто в молодежной культуре существуют, например, изрисованные стенки, намалеванные майки, доска и ролики, серьги в ушах, бумкающий ритм — все это составляет некий конгломерат молодежной культуры, в которой есть место и изобразительному искусству, и музыке, и танцам. И оно в корне отличается от всего того, что творится в других культурных институциях нашего города. И Пушкинская могла бы быть центром именно для такой культуры. Чем она, собственно, и являлась, что мы видели на праздниках Пушкинской, 10, проходивших регулярно. Почему-то праздник

Пушкинской представлялся именно сборищем рок-н-ролльщиков и панков, а вовсе не людей сорокалетних, с картинками.

— Да, это меткое замечание. Но все-таки, по-моему, нужен на Пушкинской музей, который собирается сделать Сергей Ковальский — музей того искусства, которое выкладывало путь к сегодняшнему дню, т. е. искусства 70-х годов, 80-х, и, наверное, это правильно?

— Я лично из своей коллекции передал часть работ в музей Гуманитарного фонда. Но ведь подобные коллекции собираются и государственными музеями. В Русском музее есть отличная коллекция нонконформистов, там представлены работы Арефьева, Шемякина, Овчинникова, Богомолова, Фигуриной и так далее, и работы Ковальского там тоже есть. Поэтому Государственный Русский музей может тоже представлять выставки подобного рода, другое дело, что Пушкинская хочет сделать постоянную экспозицию подобного рода. Но проблема в том, что нонконформизм 60-80 годов интересен именно людям старшего возраста, которые не являются посетителями Пушкинской, 10. Молодежи же такое искусство совершенно не интересно. Вы не сможете заставить молодого подростка на роликах заинтересоваться картинами Игоря Иванова или Рихарда Васми.

— Но, тем не менее, существуют "посредники". Ты упомянул Васми, и я сразу вспомнил Олега Котельникова...

— Олег Котельников дружит с Рихардом Васми, но Олег Котельников сам был нонконформистом, дружил с Олегом Григорьевым, поэтому эта культура для него близка, он на ней воспитан. Но Олегу Котельникову, извините меня, уже сорок лет. Поэтому сорокалетний Олег Котельников — это не двадцатилетний подросток, которому гораздо сложнее понять, что интересного в той маленькой картинке 30х40 см, которая нарисована, как сам этот подросток рисовал в 4 классе — домик и фигурка человека, идущего мимо этого домика. С точки зрения современной художественной ситуации это совершенно не прочитывается. Он уже не знает, что когда-то Матисс был запрещен, когда-то фавизм был чем-то вроде ягодки, вроде как сейчас рэв-музыка. Это уже не прочитывается современным молодым человеком. Он уже не может соотнести надпись Prodigy, сделанную спреем на стенке и какие-то фигурки. Кроме того, такие молодежные явления, как «Митьки», уже давно не молодежные. Это старые дяди с седыми бородами, им по сорок лет. Они не популярны уже у молодежи, потому что молодежь от рока уже отвыкла, и рок уже — явление несколько прошедшее, но музей рока тоже вполне мог бы иметь место, маленький такой музейчик. Дело в том, что в Европе таких музейчиков довольно много, и это уже традиция. Музей — это коммерческое предприятие. Такой маргинальный музейчик в пяти комнатах, который посещают туристы, платят за вход, покупают буклетик на память и отправляются дальше. Иногда такое заведение, например, в Амстердаме — очень туристском городе, даже более выгодно чем гостиница или бар. Музей русского рока, музей рэв-культуры, а Петербург является родиной и рока, и рэва. До сих пор много поклонников групп Кино, Аквариума, Алисы, Шевчука и так далее. И можно было бы выставить какие-нибудь майки Гребенщикова, ботинки Цоя...

— Можно еще сделать восковые фигуры...

— И восковые фигуры. Это пользовалось бы популярностью, было бы туристским объектом. Это позволяло бы привлекать внимание. Было бы перспективно сделать на Пушкинской ряд таких молодежных музейчиков.

— Ну что же, на музейчиках, может, и остановимся. Спасибо.

Вопросы задавал Александр Менус
1997 г.

Менус А.: Интервью с Т. Новиковым. // фонд «Свободная Культура», СПб., С.94-95, 1998